

Сергей Фёдорович Платонов

Москва и Запад в XVI-XVII веках

Сергей Платонов

Москва и Запад в XVI-XVII веках

«Public Domain»

1925

Платонов С. Ф.

Москва и Запад в XVI-XVII веках / С. Ф. Платонов — «Public Domain», 1925

«...В предлагаемом труде автор не имел претензии дать исчерпывающий очерк сложного и не во всем объеме исследованного вопроса европеизации России. Его целью было указать на главные моменты этого культурного процесса; материалом же служил тот круг научных пособий, в котором слагался его университетский курс. Автор почувствует себя вполне удовлетворенным, если внушит читателям убеждение, что связь Московской Руси с Европейским западом завязалась ранее и была крепче, чем обычно принято думать. На более ранние эпохи поэтому автор обратил в своем изложении наибольшее внимание...»

© Платонов С. Ф., 1925

© Public Domain, 1925

Содержание

Глава первая. XVI-й век и смута	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Федорович Платонов

Москва и Запад в 16–17 веках

В предлагаемом труде автор не имел претензии дать исчерпывающий очерк сложного и не во всем объеме исследованного вопроса европеизации России. Его целью было указать на главные моменты этого культурного процесса; материалом же служил тот круг научных пособий, в котором слагался его университетский курс. Автор почувствует себя вполне удовлетворенным, если внушит читателям убеждение, что связь Московской Руси с Европейским западом завязалась ранее и была крепче, чем обычно принято думать. На более ранние эпохи поэтому автор обратил в своем изложении наибольшее внимание.

Глава первая. XVI-й век и смута

I

Надо перестать верить старой басне о том, что в 1486 году некий немецкий рыцарь Поппель, странствуя по мало известным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву и, воротясь домой, рассказывал императору Фридриху III о Москве, как о своем политическом и географическом открытии; а пораженный будто бы его рассказом о могуществе Москвы император послал того же Поппеля в Москву просить у великого князя Ивана III руки его дочери для своего племянника и в вознаграждение за это предложить московскому князю королевский титул. Это сам Поппель хвалился в Москве, во второй свой приезд в 1488 году, что только от него в Германии узнали, насколько могуществен и богат «вельможный и борзомуудрый государь» Иван III. Но похвальба эта была пустая и лживая. Она свидетельствовала о том, что Поппель был легкомысленный и неумный человек. Такие свойства Поппеля с особой яркостью выразились и в сохранившемся до нашего времени его наивном и невежливом письме к великому князю Ивану III (в 1490 году) с жалобами на бояр и с разными мелкими просьбами. Достаточно прочитать это послание, чтобы уразуметь всю несерьезность его автора и чтобы одобрить отзыв о нем москвичей, что Поппель «писал к государю к нашему свою грамоту не по пригожу», не так, как пишут великим государям. Когда Поппель рассказывал в Москве, что он открыл для Европы Московское государство, Москва была уже открыта для иноземцев. Аристотель Фиораванти уже построил в ней Успенский собор, освященный в 1479 году, и строил другие церкви, работал на пушечном дворе и чеканил монету. Иные мастера-иноземцы (Антон Фрязин, Марко Руффо, Пьетро Соларио, Алевиз) с участием того же Аристотеля строили Кремлевские башни и стены. Начиналась постройка каменных «палат» Кремлевского дворца. В Италию посылались посольство за посольством для набора техников и мастеров всякого «дела». По приглашению из Москвы и без всякого приглашения ехали в Москву на службу итальянцы, греки и немцы («Ольберт немчин из Любка»). Для всех для них дорога шла на Русь через ту самую Германию, где будто бы только от Поппеля узнали о Москве. Лет за двадцать до откровений Поппеля московское правительство вело уже дипломатические сношения с итальянскими дворами и намечался брачный союз Ивана III с находившейся у папы греческой «деспиной» царевной Палеолог. С появлением же в Москве этой царевны Софии Фоминишны и ее свиты (1472 г.) было положено прочное начало московской иноземной колонии, из которой вышло немало великокняжеских дипломатов. Один из них – Марко Руффо вывез из Персии в Москву венецианского дипломата Контарини, едва не погибшего во время своего посольства. Попав в Москву (за десять лет до Поппеля – в 1476 году), Контарини нашел там много итальянцев и греков и свел со всеми ими тесное знакомство. Для него оказалось возможным снарядить из Москвы в Венецию посланца за деньгами, и он спокойно ожидал в Москве его возвращения, проведя там всю осень и часть зимы 1476 года. Наблюдая московскую жизнь, Контарини узнал, что «в Москве во время зимы съезжается множество купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов». В начале 1477 года, ранее, чем он рассчитывал, Контарини был отпущен из Москвы частным порядком, без конвоя, с одним лишь «приставом» (*un huomo del signore*) и направился на родину через Литву, Польшу и Германию тем самым торным путем, каким ездили в Москву польские и немецкие купцы. На дороге, в Иене, он встретился со своим посланным, который вез ему из Италии деньги, и затем с ним вместе благополучно прибыл домой в Венецию. Все приведенные здесь мелкие подробности свидетельствуют ясно о том, что к исходу XV века сношения московского двора и рынка с

Западом были уже завязаны, и Москва вовсе не нуждалась в том, чтобы ее «открывали» странствующие рыцари. Правда, эти сношения ограничивались потребностями политики и торговли и еще не разрастались в общую культурную связь. Но для такой связи почва не стала готова и двумя столетиями позже.

II

Если мы усвоим себе мысль о том, что Москва еще с XV века была знакома с иностранцами, сносилась с европейскими правительствами, допускала на свои рынки (в Новгороде и Москве) иностранных купцов, принимала на службу иноземных мастеров и техников, – то для нас не будет ничего удивительного в той роли, какую принял на себя довольно известный авантюрист середины XVI века Ганс Шлитте. Он побывал в Москве в годы отрочества и юности Ивана Грозного, занимался там коммерцией, изучил русский язык и, как многие иноземцы той эпохи, стал агентом московского правительства по сношениям с Западом. Ему было поручено нанять за границей всякого рода сведущих людей и доставить их в Москву. Шлитте обратился за этим делом в Германию и обставил его необычными атрибутами. Он выдал себя императору за посланника московского государя, имеющего дипломатическую миссию. От лица Ивана Грозного он предлагал Карлу V начать переговоры об унии православной церкви с католической. Правда, в грамоте Грозного не было и помина о соединении церквей: грамота содержала только просьбу разрешить проезд в Москву мастеров и ученых людей. Но для Шлитте было важно придать делу именно такую окраску религиозного характера. Нет нужды считать его утопистом и фантазером; у него, по-видимому, был чисто практический расчет на личные свойства императора Карла V и на обстоятельства того политического момента. Шлитте представился императору в Аугсбурге в дни наибольшего торжества Карла-католика над протестантскими князьями Германии. Происходя сам из Гослара, протестантского города, Шлитте должен был засвидетельствовать перед Карлом, для успеха своего дела, свою ортодоксальность. Он сделал это очень ловко, представив католическому монарху возможность торжества не только над протестантами в Германии, но и над православием в Москве. Льстивое средство подействовало: император дал разрешение Шлитте приглашать нужных ему людей под условием, что никто из них не проникнет к туркам, татарам и вообще в нехристианские земли. Шлитте набрал 123 человека, по современному известию, «докторов, магистров и других ученых, колокольных, рудокопных и золотых дел мастеров, зодчих, гранильщиков, колодезников, бумажников (papermaker), врачей, типографщиков и других подобных художников». Все они были доставлены в Любек для дальнейшего следования на Русь, но здесь задержаны. Сам Шлитте был даже арестован в качестве якобы неисправного должника до уплаты долга городу Любеку и посажен в тюрьму; а пока шло дело о его освобождении, собранные им люди разбрелись. Предприятие таким образом расстроилось.

Причина этого заключалась, конечно, не в задолженности Шлитте. Набор мастеров и ученых для Москвы, шедший в Германию, огласился очень быстро. Хорошо знакомые с московскими делами ганзейские руководящие сферы не поверили тому, что Москва согласна на соединение церквей, и учли все возможные последствия свободного обмена людьми между Москвой и Западом. Из Ревеля официально писали в Любек, в центр Ганзейского союза, прося не пропускать Шлитте в Москву во избежание тех страшных бед, какие последуют не только для Ливонии, но и для всей немецкой нации, если московиты усвоят себе военное искусство и вообще технику Запада. Эта боязнь Москвы владела не одним Ревельским «ратом», но и другими соседями Москвы. Когда, убежав из Любека, Шлитте возобновил свою интригу в пользу Москвы не только в Германии, но и в Риме, играя все на той же идее церковной унии, то против него выступило и польское правительство. Оно в 1553 году послало к императору и папе специальные посольства с тем, чтобы объяснить им всю тщету надежд на сближение с Моск-

вой. Совершенно справедливо поляки указывали на непримиримое отношение русских к папе и католичеству и на несбыточность союза с Москвой и против турок. Так же, как и ганзейцы, поляки боялись военного усиления Москвы и раскрывали перед папой те опасности, какие грозили бы Европе в случае чрезмерного усиления московского великого князя. Таким образом, благодаря интригам Шлитте, перед Европой впервые конкретно стал вопрос о «русской опасности» и о необходимости вести в отношении Москвы политику изоляции и репрессий. Как император, так и папа насторожились и на все те предложения союза и тесного сближения, какие Шлитте делал облыжно от имени Грозного, они отвечали или уклончиво, или же прямым отказом. Ганзейские же и ливонские города твердо усвоили манеру не пропускать через Московскую границу ни людей, которые могли бы «цивилизовать» Москву, ни товары, которые могли бы усилить боевую мощь московского государя. Москва протестовала против этой политики ливонских властей; в 1551 году она грозила им даже войной, если они будут стеснять на границах русскую торговлю и задерживать едущих в Москву иностранцев. При таких условиях русским оставалось всеми способами добывать нужных им техников помимо гласных и официальных путей, и наиболее удобным обходным путем, по-видимому, они считали Данию, под флагом которой можно было провозить с меньшим риском необходимых людей и грузы. Любопытен в этом отношении один случай, когда Москва получила необходимого специалиста именно от Дании. В 1535 году в войне с Литвой Москва впервые узнала прием штурма крепости посредством подкопа, мины: именно в этом году литовские войска взяли у Москвы город Стародуб с помощью «подкопа по подземелию ко граду». Московский гарнизон Стародуба погиб потому, что «того лукавства подкопывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкопывания». В Москве решили перенять и усвоить «лукавство подкопывания» и ко времени взятия Казани (1552) уже имели у себя в войсках «немчина хитра, навычна градскому разорению», у которого были уже и «ученики», ведшие подкопы под Казань одновременно с учителем-немчином. По имени этого учителя, – Размуссен (москвичи произносили: Размысл), – заключаем, что он был датчанином, добытым Москвой из Дании. Это, конечно, не единственный случай сношений такого рода с Данией: известно, например, что в начале 1553 года Грозный обращался к датскому королю Христиану III с просьбой пропустить к нему в Москву какого-то Арнда «с цесаревыми людьми». По условиям того момента «цесаревы люди» не могли проникнуть в Москву ни через Ливонию, ни через Литву; оставался путь через Данию.

III

Так обострился в 50-х годах XVI столетия вопрос о сношениях Москвы с Западом. Перенесенный в сферу политики, он получил неблагоприятное для Москвы разрешение. Но как раз в эти годы произошло в Московской жизни событие, на вид случайное, на самом деле стоявшее в тесной связи с общим ходом международной жизни Запада. Событие состояло в том, что в устье Северной Двины в 1553 году зашел английский корабль «Edward Bonaventure», в 160 тонн, принадлежавший к той экспедиции, которая была снаряжена компанией или обществом английских купцов для отыскания морского пути в Китай («Cathay») и Индию по северным морям. Такого пути найти не удалось; из трех кораблей два со всеми людьми замерзли в «становищах» на русском берегу Ледовитого океана, а третий, вместо Индии, попал к русскому Николаевскому Корельскому монастырю в южную часть Двинской дельты. Это было 24 августа. Капитан корабля Ричард Ченслер (Richard Chancellor) проехал с моря в главный русский поселок на Двине – в г. Холмогоры. Оттуда дали знать о появлении торговых английских «немцев» в Москву, а из Москвы последовал приказ доставить их в столицу. На зиму Ченслер с «гостями», то есть с купцами и с прочими спутниками, отправился в Москву, а его корабль с экипажем был укрыт в Унской губе, далеко врезанной в материк.

Появление англичан в Москве совпало с теми огорчениями, какие пришлось русским людям переживать от закрытия западной границы. Оно давало надежду на благополучный выход из создавшегося кризиса. Вместо балтийских гаваней и Смоленского рубежа, необходимые люди и товары могли проникать в Московское государство «Божьей дорогой – океан-морем» через Двинское устье. Притом английские корабли, как оказывалось, могли доставлять товары прямо из европейских гаваней без перегрузки в пути. До тех пор русские люди пользовались Беломорским путем лишь изредка для сношений с Данией. Из Белого моря они плыли вдоль Мурманского берега до Норвежского Дронтгейма (Трон-тьема), или даже до Бергена, а оттуда направлялись сушей до Копенгагена. Но эта дорога была сложна и неудобна; ею можно было пользоваться лишь в исключительных случаях и притом не для торговли, не для возки товаров. С появлением же англичан Беломорский путь, морем до Английских гаваней, обращался в наиболее удобный, совершенно независимый от враждебных соседей. Он создавал возможность прямых и правильных сношений с Западом как раз тогда, когда эти сношения насильственно прерывались на всех ранее действовавших путях. Понятна поэтому та радость и радушие, с какими были в Москве встречены английские гости, и та щедрость, с какой Московское правительство оказывало ласку и расточало льготы желанным пришельцам. В течение немногих лет англичане укрепили торговую связь с Москвой. У Николо-Корельского монастыря на острове Ягры в устье Двины они устроили свою пристань и поселок. Остров, где росло много диких красных роз, был назван «Розовым» (Rose Island). На нем стояли английские дома и амбары с товарами. Здесь происходила разгрузка кораблей; отсюда на мелких судах, «дощаниках» или «насадах», товар шел в Холмогоры и на Вологду; сюда же доставлялись русские товары для отправки в Англию. На всем пути между Холмогорами и Москвой, в главнейших городах, англичане получили усадебные места и построили дома и склады. Они особенно оценили Вологду, как лучшее место для склада английских товаров, так как «Вологда отлично расположена и торгует со всеми городами Московского государства», – и они построили там свою факторию, обширную, как замок, по выражению одного современника. В самой Москве у англичан была усадьба в Китай-городе на Варварке у церкви (и ныне существующей) Максима Исповедника. Во время пожара 1570 года (при нашествии крымцев) в строениях этой усадьбы погорело и задохлось около 30 англичан, мужчин, женщин и детей, из состава английской колонии в Москве. Кроме собственно торговых складов и поселений, англичане пытались устраивать и заводы для обработки русского сырья. Уже в 1557 году началась в Холмогорах постройка канатной мастерской с мастерами из Лондона. Немногим позже англичанам было дозволено устроить на р. Вычегде железодельный завод для обработки обнаруженной там руды. Но все такого рода начинания играли лишь второстепенную роль в планах английских предпринимателей. Главное их внимание было устремлено на другие дела. Во-первых, они желали использовать природные богатства русского севера и, прежде всего, пушной товар; а во-вторых, они стремились через Московские владения связаться с азиатскими рынками и проникнуть до Китая и Индии. Обе эти цели они преследовали с необыкновенной энергией.

В короткий срок английские разведчики ознакомились с главнейшими путями в Поморье как на восток, так и на запад от Двины. Они успели проехать от Холмогор до Соловков, оттуда до устья р. Выга, Выгом до волоков к Повенцу, а затем озерами Онежским и Ладожским и р. Волховом дошли до Новгорода. С другой стороны они добрались сухим путем и на судах до р. Печоры, обследовав как морской ход до Печорской губы, так и речные маршруты Пинегой, Мезенью, Пезой, а равно и зимние пути между главнейшими населенными пунктами от Холмогор до Усть-Цыльмы и Пустозерска. Особенно интересовала их Лампожня на Мезени – место, где дважды в год бывала крупнейшая ярмарка русского Севера. Туда с Печоры и даже с Оби (Мангазеи) свозились русскими промышленниками и туземцами все виды пушного товара, олени шкуры и моржовая кость. Там эти товары скупались торговцами с Холмогор и развозились по всему Московскому государству. В этой торговле англичане приняли живое участие и

доставляли в Лампожню свои сукна и металлические изделия в обмен на дорогие меха, которые отправлялись в Англию. Одновременно с исследованием края шло обследование берегов и островов Ледовитого океана. Мысль о возможности обойти Азиатский материк с севера продолжала занимать англичан, несмотря на неудачу их первого предприятия 1553 года, и они отправляли на поиски этого пути новые экспедиции. Особенно замечательны были в Северном море изыскания Стефана Борро, который в одно лето (1556 г.) побывал на Кольской губе, затем достиг Канина носа, Югорского шара, о. Вайгача и даже Новой Земли. Но его надежда добраться до устьев Оби не сбылась, и он вернулся на зимовку в устье С.-Двины. Из многих плававших в Ледовитом океане англичан Борро был наиболее научным и точным исследователем; благодаря ему, главным образом, был в Англии добыт материал для хорошей карты северных берегов России. В конце XVI века англичане, можно сказать, совсем освоились с русским Севером и целыми годами жили, торговали и промышленяли не только в бойких пунктах, какими были Холмогоры и Лампожня, но и в таких далеких и глухих углах, каковы Усть-Цыльма и Пустозерск на Печоре.

Ко второй своей цели – проникнуть через Московию в Азию – англичане стремились с меньшей энергией. Их пионером здесь был замечательный путешественник Антон Дженкинсон, оставивший интересные записки о современной ему Москве. До своего появления в России он много ездил по Европе, был в Турции, Палестине, северной Африке. Зимой 1557–1558 гг. он провел в Москве и добыл у царя разрешение на поездку в азиатские страны. Весной поплыл он Волгой на восток, имея конечной целью Китай. Из Астрахани, на одном корабле с персидскими и татарскими купцами, пошел он в море и высадился на полуострове Мангышлаке, откуда с большими приключениями добрался до Бухары. В Бухаре Дженкинсон зимовал и весной 1559 года замыслил ехать в Китай. Но постоянные войны и разбои кочевников закрыли ему на этот раз все пути, и он принужден был возвратиться в Москву. На первой попытке он, однако, не остановился. В 1561 году он снова явился из Англии в Москву и с царского разрешения отправился в Персию. На этот раз путь его из Астрахани лежал на Дербент и Шемаху. Он побывал в Тавризе, нашел шаха в Казбине, зимовал там и летом 1563 г. благополучно возвратился в Москву. Наблюдательный и образованный, Дженкинсон был одинаково способен на дипломатическую, коммерческую и научную работу. Его географические наблюдения и измерения, этнографические описания, торговые справки, дипломатические переговоры принесли громадную пользу английскому правительству и тем торговым организациям, с которыми он был связан. Историк и географ одинаково пользуются трудами Дженкинсона, как полезнейшим материалом для знакомства с обследованными им странами. Заслужив милость Ивана Грозного, Дженкинсон успел выхлопотать у него широкие привилегии для английской торговли не только в Холмогорах и Москве, но и в Казани и Астрахани, в Нарве и Дерпте; и, что всего замечательнее, он получил для английской торговой компании, к которой принадлежал, право беспошлинного провоза товара в Персию и Среднюю Азию (Бухару и Самарканд). За Дженкинсоном были направлены по азиатским маршрутам и другие агенты английской торговой компании (Т. Алькок, Д. Ренн, Р. Чейни, Р. Джонсон, А. Эдуардс). Московское правительство до времени поощряло все такого рода предприятия англичан: создавало монопольное право их торговой компании на беспошлинный торг по всему Московскому государству, позволяло ей строить в городах свои фабрики с широкой автономией, допускало и отдельных англичан селиться и торговать в стране, поскольку компания этому не противилась; наконец, оно охотно обращалось в Англию за необходимыми ему специалистами, которых отсюда и получало. Но это длилось только до тех пор, пока не явились вслед за англичанами в северные русские «пристанища» (гавани) корабли других наций. Тогда между английским правительством и московскими властями начался разлад. Англия настаивала на сохранении за ней права не только на беспошлинную торговлю, но и на исключительное пользование путем в Россию, а русские этого права не признавали, потому что просто его не понимали. Англичане

говорили, что они «впервые на Русь дорогу нашли морем с великими убытки и томлением» и потому «иным не пригодитца на Русь ездити, которые ся не убытчили и не промышляли тем первым путем». В таком московском переводе излагалась английская грамота с притязанием на торговую монополию и с общим указанием на то, что «те, которые дорогу проложат и пристанища находят, в великой чести бывают, и их везде берегут, во всех замлях». На это московские дипломаты отвечали, что торговые льготы англичан внутри Московского государства ничуть не уменьшены, что от русской торговли англичане не убытки потерпели, а «торгуючи беспошлинно много лет, многие корысти себе получили», и что не было времени, когда бы англичане одни приходили на Русь из-за границы. В те годы, когда они одни приставали в устьях С. Двины, все прочие иноземцы пользовались Нарвской гаванью. Только с той поры, как Москва потеряла Нарву (1581 г.), указано было всем вообще иноземцам приходиться на С. Двину, и для торга там был поставлен новый Архангельский город (1584 г.). В этих объяснениях была правда. Московские люди исходили из той мысли, что «великая божья дорога океан-море» всем одинаково доступна и ее «затворить» или «перенять» невозможно. Они знали, что в одно время с торгом англичан на Двине, с 60-х годов XVI века, начался торг голландцев в Печенге и Коле на Мурмане; и они понимали, что в данных условиях сохранение английской монополии на севере невыгодно для государства и просто неисполнимо: не гонять же было от гаваней приходившие туда для торга не английские корабли. Таким образом, англичанам приходилось помириться с тем, что по северному пути в Московское государство открылся доступ и другим нациям. Для англичан всего горше и вреднее оказалось на Руси соперничество голландцев, которые в ту эпоху шли быстрым шагом к решительному преобладанию на поприще мировой торговли. Известно, что голландцы впервые появились в Ледовитом океане не раньше середины XVI века. Первый голландский корабль, как говорят, пристал к Вардегузу на северном берегу Норвегии в 1564 году. В следующем 1565 г. голландцы побывали уже в Печенгской губе, а затем и в Кольской у селения Колы. В 1566–1567 годах два голландца фон Салинген и де Мейер из Колы через Кандалакшу и Онегу без особого разрешения, можно сказать, тайком проникли в Москву, побывали в Новгороде и благополучно вернулись на родину с барышом и с запасом ценных для них наблюдений. С тех пор в Коле начались правильные наезды голландцев, образовался их торг с русскими людьми, и голландцы с такой же энергией, как англичане, принялись изучать северное побережье Московского государства. Из их среды вышли исследователи, не уступавшие Дженкинсону и Борро. Названный выше Салинген более тридцати лет провел в изучении русского севера, научился говорить по-русски, завел знакомство со многими поморами, служил переводчиком для датского правительства в его сношениях с Москвой, составлял доклады и записки о русских делах для голландцев и датчан, приезжал послом от датского короля в Москву, наконец, составил географическую карту Скандинавии, Лапландии и Финляндии. Для голландцев и датчан он был полезнейшим осведомителем по русским делам. Еще замечательнее была деятельность брюссельца Оливера Брюнеля. На одном из первых голландских кораблей он молодым человеком прибыл в Колу и оттуда был послан в Холмогоры учиться русскому языку. По какому-то доносу он был взят; его отправили вглубь страны и бросили в Ярославскую тюрьму. По обычаю того времени, иноземный «полон», взятый на войне, из тюрем давали на поруки на работу в частные хозяйства. В состав «полоняников», по-видимому, попал и Брюнель: его «выручили» из тюрьмы и взяли к себе на службу знаменитые Строгановы. У них он стал торговым агентом и не один раз возил их товар, меха, на продажу за границу, в Антверпен и Париж. Это было в 70-х годах XVI века. Позднее Строгановы направили его на восток. Он дважды ездил в Сибирь, к устьям р. Оби, спускаясь в море по Печоре, и, таким образом, хорошо освоился с условиями плавания вдоль Сибирских берегов. В 1581 г. Брюнель устраивал чрезвычайно любопытную экспедицию. От имени Строгановых ездил он в Голландию приглашать опытных моряков на построенные Строгановыми два морских корабля. С ними Брюнель должен был, обогнув Сибирь, проникнуть в Китай. Начатое

в 1584 году плавание, однако, не удалось из-за льдов, и вскоре после этого Брюнель покинул Строгановых и поступил на датскую службу. Своими точными и богатыми наблюдениями он много послужил своим сородичам в их сношениях с Россией. Между прочим, ему приписывают почин того, что голландцы нашли дорогу в устья С. Двины. В 1577 или 1578 году именно под его руководством Ян ван де Балле привел первый голландский корабль к Никольскому монастырю. За ним уже легко нашли туда же путь и другие голландские корабли. Однако, голландцы не стали соседями англичан у св. Николая. Они прошли Пудожемским устьем Двины верст на 15 далее и там устроили свою первую пристань, а позднее (1582 г.) продвинулись по реке еще выше до Архангельского монастыря, где Московское правительство начало тогда же строить «город» (то есть, крепость), а под стенами города «гостиные дворы» для товаров. С постройкой этого нового города «Архангельского», имевшего значение организованной пристани, последовал царский указ (1585 г.) о том, чтобы впредь иноземцы приходили со своими кораблями исключительно к Архангельску и чтобы они перенесли туда свои склады и дома – английские с Розового острова, а голландские с Пудожемского устья. С тех пор Архангельск стал главным, даже единственным московским портом на севере, ибо одновременно с его постройкой правительство закрыло Мурманские гавани (Колу и Печенгу) для иностранцев, допустив там торг только треской, палтусом и китовым жиром.

С образованием Архангельского города условия Московского торгового дела для всех наций стали одинаковы. Правда, английская компания сохранила свою прежнюю привилегию беспошлинной торговли внутри Московского государства, чего не имели ее конкуренты. Но привоз товаров к пристаням, распространение их по городам, постройка факторий в крупнейших центрах страны, свобода передвижения торговых агентов, – все это было одинаково как для англичан, так и для голландцев. И те и другие могли проявить с полной свободой свою деловую ловкость, и надобно сказать, что голландцы очень скоро показали себя опасными соперниками. Уже первый голландский торговец, проникший в Архангельск, Ян ван де Балле (получивший в Москве имя Ивана Деваля Белоборода) привлек особое благоволение Ивана Грозного тем, что привез ему «узорочные», особенно ценные товары, «а аглинские гости николи таких товаров не приваживали». Чем далее шло время, тем действительнее становилась конкуренция голландцев и тем прочнее они оседали в самой Москве и других городах, пока, наконец, не получили явного перевеса над англичанами. Весь XVII век есть время непрерывных успехов голландцев в Московском государстве.

IV

Таким образом, совершилась эмансипация Москвы от ее западных соседей в деле сношений с Западной Европой. Легко доступные, ни от кого не зависимые англичане и голландцы сменили собой итальянцев и «немцев цесарские земли» (то есть, германцев), которых не хотел пускать на Русь правительства Ливонии, Речи Посполитой и Ганзейских городов. Но это не значило, что Москва вовсе осталась без притока людей через ее западную границу. Напротив, этот приток усилился во второй половине XVI века, благодаря Ливонской войне Грозного. В начале 1558 года произошел окончательный разрыв Москвы с Ливонией. Московские войска вторглись в Эстляндию и Лифляндию, разорили страну и повели из нее на Русь многолюдный «полон», который и обращали в рабство. Та часть пленных, которая попадала в распоряжение частных лиц, или продавалась ими на сторону, или же крепилась за самими захватчиками в их «дворах» в «кабальные холопы». В громадном большинстве это было инородческое (финское или латышское) простонародье, представлявшее собой грубую рабочую силу. «Полон» более высокого качества – люди, принадлежавшие к высшим классам Ливонии, или же, выражаясь современным нам языком, квалифицированные, – делались обычно пленниками государственными, «полоняниками в государеве имени». Их правительство брало в свое распоряжение, на

свою «службу», и рассылало по всей стране, образуя из них, например, гарнизоны городов в восточных областях государства. Любопытные данные об участии таких пленных обращались в ту эпоху в Германии. В одной из деловых записок по Балтийскому вопросу, составленной для императора, определенно указывалось на то, что московский царь с пленными немцами обращается милостиво, именно 9000 ливонских полоняников вовсе не проданы в рабство, как о том шел слух, а расселены по разным городам. О таком способе размещения пленных есть кое-какие сведения и в русских документах. К тому же самому времени, к какому относится немецкая записка (к 60-м годам XVI века), приурочены и русские данные о маленьком укрепленном городке Лаптеве на Каме. Городок ЭТОТ был поставлен на переправах через нижнее течение Камы и командовал над ними, защищая Казань от вторжений инородцев с востока. В его гарнизоне было помещено 150 «полоняников посадских жильцов», наделенных «полоняничными роспашми», пашней «доброй земли» в значительном количестве. Такие полоняники, «немцы» и «литва», в Поволжских городах остались сидеть и после окончания Ливонской войны; очевидно, обжившись на «доброй земле», они уже не стремились на старую оседлость. По крайней мере, лет через сорок после их водворения на Волге «литва и немцы» продолжают состоять в гарнизонах того края. Такую участь – рядовой военной службы терпели простые солдаты, взятые Москвой на бою. Более знатные полоняники устраивались лучше: они получали в самой Москве соответственное их знаниям и способностям положение. Кажется, самый яркий пример того, какую карьеру могли сделать полоняники, представляют собой лифляндские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе. Они принадлежали к ливонской знати, принимали участие в борьбе с Москвой и попали в плен к Ивану Грозному. Обещанием служить ему и содействовать подчинению Ливонии они заслужили доверие Грозного и попали к царю в милость. Он сделал их своими дипломатическими агентами и при их посредстве вел переговоры с Ливонскими властями и Датским правительством. На них возлагались и военные поручения. После неудачи организованного ими нападения на Дерпт они, боясь опалы, решили изменить Грозному и перебежали в Литву к гетману Хоткевичу, которому и посвятили свой известный мемуар или «послание» о «неслыханной тирании» Грозного. Не менее шести лет служили эти полоняники Москве раньше, чем ее бросили, и это были годы (1566–1572) самого напряженного террора опричнины, которая, однако, не сделала им ни малейшего зла. Сохранились сведения, что Крузе пользовался особенными милостями царя: ему возвратили его семью, дали каменный дом и землю, назначили денежное жалованье и довольствовались натурой от царского двора, а самое главное – обещали поручать ему только «честные дела» (*die ehrbare Sachen*). Также и Таубе получил от царя большое поместье на Рязани, земли в Дерпской епископии, значительное денежное жалованье и иные подачки. Такое преуспевание этих «епископских советников» из Дерпта было известно в Германии. Там знали, что еще большим благоволением, чем Таубе и Крузе, в Москве пользовались Адриан Кальб и Каспар фон Эберфельд из того же Дерпта. Об Эберфельде шел даже такой слух, что по особому доверию к нему царя он постоянно призывался в боярскую думу и не раз отваживался беседовать с царем о преимуществах протестантского вероучения. Называли также в числе пленников, принятых в Москве с лаской и почетом, дерптского пастора Веттермана, которому царь поручил ознакомиться с греческими, латинскими и вообще иноязычными книгами царской библиотеки. Можно назвать еще много других имен ливонцев, живших на службе и иждивении Московского правительства и не терпевших в своем плену ни гонений, ни особой нужды. Их и не могло быть мало, потому что Грозный в завоеванной им стране применял иногда так называемый «вывод», то есть массовое переселение жителей покоренного города внутрь Московского государства. Так он поступил в 1565 году с Дерптом: велел оттуда вывести «бурмистров и посадников и ратманов всех немец за их измены в Володимир, на Кострому, в Нижний Новгород, на Углич». Царь объяснял эту меру тем, что немцы из Дерпта «ссылалися с маистром Ливонским, а велели ему притти под

город со многими людьми». Таким образом в первые же годы ливонской войны Москва и другие русские города увидали у себя ливонский «полон» в весьма достаточном количестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.